

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Доронина Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

18 июля 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина Е.В.Доронина к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин Е.В.Доронин оспаривает конституционность части первой статьи 307 «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» УК Российской Федерации, пунктов 1 и 2 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» УПК Российской Федерации.

Согласно представленным материалам Е.В.Доронин обратился в следственный орган с заявлением, в котором указывал, что ряд лиц дали ложные показания при производстве по гражданскому делу. По результатам

проверки данного сообщения вынесено постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях этих лиц состава преступления. Поданная в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации жалоба Е.В.Доронина на постановление следователя оставлена без удовлетворения постановлением районного суда, с которым согласились суды вышестоящих инстанций.

В этой связи заявитель утверждает, что оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 2, 4, 15 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 21 (часть 1), 33, 45, 46 (часть 1), 52, 76 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в которой они – по смыслу, приданному им правоприменителями в его конкретном деле, – предусматривают, что общественная опасность как объективная характеристика преступления, предусмотренного статьей 307 УК Российской Федерации, является одновременно признаком события преступления и признаком его состава, что позволяет признавать событием этого преступления не дачу ложных показаний, а собственно дачу показаний в суде, а также допускает возможность – при достоверности таких показаний – отказывать в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава такого преступления, а не его события.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Статья 307 УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за заведомо ложные показание свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства (часть первая). Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данная норма неопределенности не содержит, предусматривает привлечение к уголовной ответственности лишь за заведомо ложные показания свидетеля или потерпевшего и предполагает наличие в их действиях прямого умысла, когда эти лица осознают, что показания, которые

они дают, являются ложными, и желают дать именно такие показания (определения от 28 марта 2017 года № 557-О, от 29 января 2019 года № 62-О, от 28 января 2021 года № 38-О и от 27 января 2022 года № 162-О).

Дополнительно в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» разъяснено, что оценка показаний свидетеля, потерпевшего, заключения или показаний эксперта, показаний специалиста с точки зрения достоверности, данная судом в решении по уголовному, гражданскому или иному делу, по которому эти показания или заключение были исследованы в качестве доказательств, не может предрешать вопрос о виновности или невиновности указанных лиц в совершении преступления, предусмотренного статьей 307 УК Российской Федерации (пункт 25).

Исходя из принципов равенства перед законом и судом, справедливости, презумпции невиновности, состязательности сторон судопроизводства, разрешения дела независимым и беспристрастным судом, соответствующие требования, затрагивающие фундаментальные гарантии прав личности в уголовном процессе, должны соблюдаться и при разрешении вопросов, касающихся отказа в возбуждении уголовных дел, в том числе вопросов о выборе правового основания для такого решения (часть первая статьи 24 УПК Российской Федерации), обусловленного установленными или опровергнутыми в надлежащем порядке фактическими обстоятельствами дела. По смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке. Иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение прокурору, руководителю следственного органа или в суд (статьи 124 и 125, часть пятая статьи 148, статьи 212 и 213 УПК

Российской Федерации) (постановления от 6 ноября 2014 года № 27-П и от 23 ноября 2017 года № 32-П; определения от 28 июня 2018 года № 1413-О, от 26 ноября 2018 года № 2817-О, от 12 марта 2019 года № 578-О, от 24 октября 2019 года № 2691-О, от 26 марта 2020 года № 783-О, № 786-О и др.).

Отсутствие самого события, по поводу которого рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела, а равно непричастность к нему проверяемого лица означают отсутствие предпосылок и для исследования вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Потому отсутствие события преступления само по себе уже означает отсутствие его состава. При этом отсутствие в деянии состава преступления, с одной стороны, и отсутствие события преступления, а также непричастность к его совершению, с другой стороны, хотя и признаются в равной мере реабилитирующими, но не являются – с точки зрения оценки фактических обстоятельств, лежащих в их основе, и возможных последствий – тождественными основаниями прекращения уголовного дела или уголовного преследования и потому не могут подменять друг друга. Иное свидетельствовало бы о правовой неопределенности, вело бы к произвольному выбору нормы, подлежащей применению, к нарушению принципа равенства перед законом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 года № 13-П и от 15 июня 2021 года № 28-П).

Тем самым правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности возможна лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления. При этом, поскольку отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица (часть первая статьи 148 УПК Российской Федерации), применение основания, предусмотренного пунктом 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, предполагает

предварительное подтверждение доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, в котором не усматривается вся полнота признаков состава преступления, в том числе при отсутствии доказательств, с тем, чтобы принять законное, обоснованное и мотивированное процессуальное решение (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 года № 28-П).

Таким образом, оспариваемые законоположения, действуя в системе правового регулирования, не предполагают произвольного выбора основания отказа в возбуждении уголовного дела, в том числе при проверке сообщения о даче заведомо ложных показаний, а потому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте. Установление же и исследование фактических обстоятельств конкретного дела, оценка правильности применения норм права с учетом таких обстоятельств, на что, по существу, направлены доводы заявителя, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, определенной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Доронина Евгения Викторовича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2011-О